

НЕСКОЛЬКО ДЛИННЫХ ВОЕННЫХ ДНЕЙ

Под ногами хрустит кирпичная крошка. В полуразрушенном доме темно, тусклый свет падает с улицы через наполовину заваленные окна. Надо пройти этот гадкий, вонючий, пропахнувший разложившимися телами этаж, подняться по чуть живой лестнице на второй этаж и осмотреться. В темноте наступаю на что-то мягкое, нога проваливается, и меня передёргивает. Не хочу даже догадываться, на что я наступил.

Всё здание завалено трупами. Это обусловлено его расположением — оно находится на небольшой высоте, в пригороде Грозного, и целый месяц здесь шли жёсткие бои. Наверное, по глубокому замыслу генералов, эта высота достойна, чтобы

хлестаться за неё и положить около сотни солдат, наших солдат.

Конкретная двухэтажка перешла из рук в руки раз пять и теперь вся завалена телами боевиков и наших парней. Кто знает, когда сюда доберётся хоть кто-нибудь и разгребёт эту смердящую руину — братскую могилу.

Весь город превратился в большой склеп. Да и кому это вообще надо?! Начальство сидит, поджав одно место, в Ханкале и носа не кажет. Суки! Им бы пересидеть свой срок и отвалить домой. Господам полковникам страшно и жить хочется, ой, как хочется! И мне страшно и жить хочется. Хочется вернуться домой, зайти, обнять жену, зарыться пальцами в её волосы и целовать жадно и долго. Но это если Бог даст, и я вернусь, а не стану одним из многих призрачных жителей этого дома.

Рядом начинает выворачивать напарника. Я молча протягиваю ему флягу с разбавленным спиртом. Тот утирает лицо рукавом и жадно делает два глотка. Ему тяжело, мне тоже, но я уже по местным меркам долгожитель, целый месяц протянул. Если ещё учесть, что это моя вторая война, то вообще динозавр. А он ещё неделю не разменял и сразу попал в такую переделку.

* * *

Напарник он номинально, по чистой случайности. Приблудный молоденький солдатик лет

восемнадцать на вид. Пригнали устанавливать конституционный порядок в Чечне. Они ротой заходили в город на двух «Уралах» и попали под обстрел. Чиж, — это я его так прозвал, так как был похож на взъерошенную маленькую птичку, худой и нескладный, — смог выжить в этой мясорубке потому, что его выкинуло взрывом с борта машины, после чего он отполз и вжался в бетонную нишу стоящего рядом дома, оглушённый и обескураженный мощью ревуших и уничтожающих всё железа и огня. Я нашёл его на следующий день, когда он сидел в подъезде и, всхлипывая, размазывал слёзы по грязному лицу, прижимая к груди автомат, из которого не сделал ни одного выстрела. А когда я наставил на него ствол, глаза его расширились от ужаса, а лицо стало совсем детским.

— Ты кто?

— В-ваня. — Заикаясь, произнёс он.

— Твои на улице?

Паренёк кивнул и всхлипнул. Подавленный, скомканный, один.

— Пошли.

— А мои? — Он с надеждой посмотрел на меня.

— Мёртвые твои.

Ваня уткнулся в колени.

— Вставай. Надо уходить. Скоро сюда чехи придут.

Парень тяжело поднялся и пошёл за мной.

* * *

И теперь мы продвигались вперёд, туда, где по моим расчётам должны были быть наши. Просачивались от одного дома к другому, быстро перебегая от подъезда до подъезда, иногда огибая валяющиеся трупы.

Пару раз мимо пролетали грузовые машины, полные духов. Гремя гусеницами, пронёсся танк. Свой или чужой — попробуй, разбери в этой каше. Под вечер рядом прошла группа чеченов. В разгрузках, с автоматами и гранатомётами, явно не походившие на мирных жителей. Озираясь и переговариваясь по рации, они целенаправленно искали жертву. Я дёрнул Чижа за рукав, и он осел рядом. Даже не глядя на него, понял, что пацанёнок оцепенел от ужаса. Группа прошла совсем рядом. Нас разделяла кирпичная кладка разбитой пятиэтажки и было слышно, как один докладывал в рацию о раздолбанной группе федералов и подбитых танках.

Вот уроды... Когда гыркающая речь стихла, осторожно выглянул в окно — на улице было тихо. Хотя на самом-то деле было громко, очень громко — где-то методично долбила артиллерия и строчили пулемёты, в ответ огрызались автоматным огнём и хлопками подствольников. Несколько раз что-то внушительно ухнуло. Наверное, рванули МОНки.

Надо добратся до своих. Видать, сказал это вслух, так как Чиж прошептал:

— Где же их искать?

— Найдём. На окраине, в направлении Ханкалы, блокпост ставили. Нам бы через Минутку пробиться, а там рукой подать.

— Что за Минутка?

— Площадь так у них называется... Перекрёсток на тот свет.

* * *

Через пару домов натолкнулись на двух бойцов. Наши. Сидели в полуподвале. Один был тяжело ранен в голову, второй сидел рядом и зажимал ему рану руками, которые были все в спёкшихся сгустках крови. Даже если бы у него остались патроны, то среагировать на нас он бы всё равно не смог — в глазах парня читались апатия и безразличие. Я подсел, приказав Чижу смотреть за улицей. Тот только взглянул на этих двоих и сразу ушёл к выбитым дверям.

Потрогал пульс у раненого — слабый и неровный. Стало понятно, что парень не жилец. У него началась судорога. Товарищ, держа голову раненого, вдруг начал выть. В это время прибежал Чиж. Глаза его округлились.

— Т-там, на улице, группа идёт. Чечены.

— Та ё-ё-ё... Чиж! Хватай — потащили.

Рукой заткнул рот воющего и сильно дёрнул его за воротник

— Заткнись! Схватил бойца, и быстро в подвал. Понял?

Не был уверен, что тот меня услышит, но он тут же заткнулся и кивнул. Вместе подхватили под

руки его товарища, слетели вниз по лестнице и, петляя по подвальным проходам и клуням, зарылись вглубь подвала дома. В голове прыгала одна мысль: только бы не стали зачищать, тогда — конец. Сами себя загоняем в капкан. Но выхода не было. Патронов мало, да и какие из нас сейчас бойцы. Отсидеться бы. Снаружи вроде всё тихо. У чехов, видимо, тоже не было особого желания лезть в эту негостеприимную темень.

* * *

Раненый умер к утру, когда мы провалились в тяжёлый сон. Вырубилась неожиданно и всё. Поэтому момента смерти никто не видел.

Я резко открыл глаза и не сразу понял, где нахожусь. Потихоньку огляделся. Рука сжимала автомат, нацеленный на нишу, через которую мы вошли в эту пропахшую плесенью подвальную комнату, на моё плечо привалился Чиж. Посмотрел на тех двоих и сразу всё понял. А его друг продолжал зажимать ему рану руками. Я встал. Чиж сполз на пол, но не проснулся, только что-то пробормотал во сне. Ноги затекли так, что не сразу смог двигаться. Да уж, хороши бы мы были, попади сюда чечены, лучше подарка и придумать нельзя. Наконец кровоснабжение восстановилось, я подошёл и потормошил спящего бойца за рукав. Тот тяжело открыл глаза и не сразу сфокусировался на мне.

— Пошли. Надо выходить к своим.

Боец промолчал.

— Пошли, твой друг умер.

Он взглянул на тело.

— Ему уже ничем не поможешь. Надо уходить.

— Это не мой друг.

Голос его был глухой, с хрипотцой и абсолютно спокойный.

— Ну, хорошо. То есть, плохо, конечно.

— Это мой командир. Он меня собой закрыл.

Сел рядом. Достал сигареты. Прикурил. Одну отдал ему, второй жадно затянулся сам. Я берёг сигареты и уже второй день не курил. Голова закружилась, и чувство голода притупилось. Мы сидели, курили и молчали. Чиж спал, неудобно завалившись набок. Вставать не хотелось. Демон безразличия начал нашёптывать на ухо, призывая остаться и спокойно умереть здесь, в тепле и сухости, а не там, наверху, в грязи и холоде, где броня, в конце концов, размажет наши тела по разбитым дорогам.

Так, стоп! Рано начал собираться умирать, хотя здесь может оказаться и не поздно. Но нет, нас так просто не возьмёшь! Зря, что ли, я один из всего своего взвода живым остался; зря, что ли, тащу с собой несмышлёного Чижа, который хочет только одного — жить. Да и этого бедолагу жаль. Надо собраться духом и идти. А там уж как Бог даст...

Парень первый докурил и поднялся, аккуратно положив на

пол своего командира. Затем бережно достал у него из бушлата военный билет.

— А жетон?

— Оставлю, я за ним вернусь.

Мы растолкали Чижа, добились магазины, сделали по глотку спирта за упокой души и осторожно двинулись к выходу.

* * *

Город превратился в декорацию для военного фильма. Всё кругом в жирном дыму — вон валит чёрными клубами со стороны Заводского района, чадят железнодорожный вокзал и центр. Многоэтажки раскололись, а иные осыпались веерами оцетинившихся панельных плит. Воздух пропитан едким дымом и большим туманом. С неба сыплет ледяной крупкой, но она не покрывает землю белизной, а лишь питает густую, лоснящуюся грязь.

Само небо висит низкое, тяжёлое и серое. Это хорошо — не будет бомбить авиация... мать её. Такое ощущение, что они воюют сами по себе, против всех, ни о ком не задумываясь и никого не жалея. Именно вот такие лётчики-налётчики накрыли наш блокпост с моими пацанами.

Вот ведь штука судьба, я ушёл со своим настоящим напарником поглядеть, что где творится, да определиться по направлениям с картой города. Залезли на верхние этажи стоящей недалеко чудом уцелевшей девятиэтажки и, сканируя в бинокль

близлежащие улицы, координировали по связи блокпост, пытаясь не задумываться, почему этот город весь окутан грохотом и огнём. Гул начал приближаться, и напарник, матернув, дёрнул меня за плечо. На нас на огромной скорости налетали чёрные точки. Они быстро превратились в самолёты, из чрева которых ринулись бомбы. Земля содрогнулась и исторгла из себя крошево домов, улиц и, казалось, само нутро этого города. Ощущение было такое, что все мои внутренности в ответ сжались в один мышечный комок величиной с теннисный мячик.

— Бежим! — Заорал напарник, и мы рванули вниз, перелетая лестничные пролёты, как в детстве. А снаружи творилось что-то невообразимое — рёв, грохот, скрежет. Здание кренилось и где-то, видимо, уже осыпалось. Пролёт качнулся, и напарник упал, соскользнув руками с перил. Я рывком поднял его, и мы побежали дальше вниз, пытаясь вырваться из этой западни. По инерции вылетели из подъезда и вкопано встали. С неба сыпалась бетонно-кирпичная крошка, дальше пяти метров ничего не было видно. А когда марево осело, ландшафт изменился до неузнаваемости. Дома стали пониже, улицы поуже. На месте расположения нашего блокпоста, словно открытая могила, зияла пасть огромной воронки. БТР лежал на боку искорёженной грудой неопределённого цвета. А наш взвод, который с боями дошёл и

закрепился на этом месте, превратился в кровавые ошметки, которые покрывали липкую зимнюю жижу. В живых не осталось никого. Атака авиации не оставила даже тел. Всё стало единым — плоть, кровь, грязь, железо и бетон.

Через пару улиц убили Лёху. Моего напарника Алексея Волнового, с позывным Бецман, убил снайпер.

* * *

И вот теперь мы втроём пытались выйти из города. Нет, что я говорю, это не город — это огромная чёрная тварь, пожирающая людей, перемалывающая кости бетонными осколками зубов, переваривая их нашпигованные железом тела и смакуя поджаренные трупы, громко чавкающая и отрывивающая кровавые ошметки. Эта тварь, причмокивая, пила кровь, и всё время находилась в поиске, в движении, громко редела и требовала жертв. Этот город вкусил человечины, ожил и стал сам по себе — злой, жестокий, чёрный, грозный и абсолютно мёртвый. Фигня, конечно, получается. Как это можно быть живым и мёртвым одновременно? Но в этом месте, лишённом времени и пространства, такое казалось реальным. Этот город стал безумен. И безумные шакалы носились по нему, ища новую жратву для своего божества — кромсая, взрывая, уничтожая. Ибо только трупятинка, приправленная ужасом, была по вкусу их

идолу войны. Поэтому бандитам было мало убить, им надо было покуражиться, порезвиться, утолить свою жажду садизма. Им было важно сломить, запугать, исковеркать. И это началось долго до нашего прихода. Я не знаю, что случилось с этим народом, но что-то с ним ведь случилось, раз они стали стрелять, резать, насиловать, грабить своих соседей, людей, которые жили с ними рядом столетия, с которыми они вместе встречали праздники, беды и несчастья, вместе веселились и печалились. И вдруг вспомнили, что они русские, объявили их чужими и обрекли на смерть. Разбудили страшную Тварь, не знающую жалости и сострадания. Только одного не учли эти тёмные люди, что Тварь ненасытна, не разбирает, кто свой, кто чужой, жрёт всех подряд, и имя у неё — Война.

* * *

Из размышлений выдернула автоматная очередь, которую дал наш новый товарищ, и тут же последовал взрыв, прозвучавший совсем рядом. Меня швырнуло на землю, оглушило, засыпало землёй и асфальтной крошкой, но всё это было ерундой — от кучи мелких смертоносных осколков закрыл собой парень, которого всего сутки назад, видимо, так же прикрывал собой командир. Я так и не спросил, как его зовут. Он был мёртв. Шею разворотил осколок, и из огромной раны, все ещё пульсируя, вытекала кровь, сме-

шиваясь с жирной холодной грязью. Минуту, как заворожённый, смотрел, как она, паря, растекается — алая и такая тёплая, ещё живая, а человека, которому она принадлежала, уже нет. Потом отшатнулся, вытянул из сжатых пальцев убитого автомат, тяжело поднялся и, качаясь, побежал, подскользываясь на жиже, к ближайшему укрытию. Попутно схватил за шкирку зажавшегося Чиж и поволок за собой. А перед глазами стояли рваная рана и руки бойца в засохшей крови его командира, которую он так и не смыл.

Но на скорбь не было времени — из-за угла на нас выходили бандиты. Автоматная очередь разбрызгала грязь совсем рядом. Вскинув автомат и почти не целя, разрядил магазин. Чечены рассыпались и залегли за укрытия. Чиж вжался в бетонный блок и зажмурил глаза, его побелевшие губы всё время что-то шептали.

— Чиж, стреляй! — заорал я.

Паренёк открыл полные ужаса глаза и отрицательно качнул головой.

— Мудак. — Зло процедил и перезарядил автомат. Придётся отдуваться за троих. Вернее, уже за двоих — и с грустью посмотрел на тело солдата. Душу ещё раз сжало сожаление, что так и не спросил, как его зовут.

Бой выдался короткий. Тупо повезло. На нас выскочило несколько молодых чеченов, горячих, но ещё неразумных, и мои навыки перевесили. Но надо

было уносить ноги. Сейчас подоспеют их старшие и более опытные товарищи.

Быстро собрал трофейный боекомплект, гранаты и рюкзак, в котором был сухпаёк, аптечка и тряпьё. С их автоматов снял возвратные пружины и зашвырнул в стенной разлом. Рывком поднял забившегося Чиж и потащил прочь. Остановился. Оглянулся. Вернулся. Забрал из кармана убитого нашего бойца пачку военных билетов — видимо, он в своё время собрал их у своих товарищей. Некоторые были разодраны, прострелены, другие запачканы кровью, но тяжела она была от понимания, что хозяева их сейчас лежат, никому не нужные, кто где, на этой недружелюбной, озлобленной земле, а дома их ждут близкие люди и уже не дождутся никогда. Даже тел не отдаст им эта война. Встал и хотел уйти, но не смог. Не смог оставить тело русского солдата на растерзание ублюдкам. Аккуратно взял его под руки и потащил к ближайшему дому, в подвал. И уже там закрыл ему глаза, накрыл бушлатом и завалил тело кирпичными обломками. Достал из кармана сигареты, прикурил две и одну положил на верхний кирпич. Гуляющий ветер раздувал огонёк, создавая иллюзию, что дух убитого солдата стоит рядом и молча курит.

* * *

— Чиж, ты трус!!!

Я орал ему в лицо, приправляя

речь крепкими словами, взяв за воротник и намотав его на кулаки, сдерживаясь из последних сил, чтоб не начать его бить сильно и жёстко. Всё накопленное за последнее время — страх, боль, апатия, бессилие, злоба — сейчас выплеснулись на этого нерадивого солдата. Я смотрел ему в глаза, но не видел даже лица — вместо него было какое-то сплошное чёрное пятно. Дикая ненависть бурлила в моих жилах. Я готов был зубами рвать любого, но рядом не было никого, кроме оцепеневшего от ужаса Чиж. Я тряс его за бушлат, а он сломанной куклой болтался в моих руках.

В конце концов запал кончился, и вся злость вышла, как воздух из воздушного шарика. Отпустив Чижа, привалился к стене спиной и закрыл глаза — навалились усталость и жалость к этому дураку.

— Пойми, сейчас у тебя только два пути: либо ты превращаешься в тухлую кучу говна, либо берёшь себя в руки, и тогда у тебя появляется шанс вернуться домой и пожить. Чиж, ты хочешь жить?

— Хочу.

— Тогда стреляй! Нет, даже не так — тогда убивай. А иначе убьют тебя. Зарежут, как барана, перерезав шею от уха до уха, и потом будут глумиться над твоим телом. И у них не будет даже тени сомнения. Для них ты враг, иноверец, захватчик и никому не будет тебя жалко, ни-ко-му! Ты на войне, парень, а на войне надо

воевать и побеждать, биться до последнего, из последних сил. И вот если ты выживешь — наградой тебе будет возвращение домой. Ещё одна попытка пожить. Пожить за тех, кто здесь лёг. Это тяжёлая ноша. Поэтому решай сам, что ты выберешь.

Чиж вздохнул и сбивающимся голосом ответил:

— Я ведь жизни ещё и не видел, ничего не видел. На море один раз был, и то в детстве, с мамой ездили. Солёное оно и тёплое, а ещё солнце яркое и жаркое. Интересно, здесь есть солнце?

— Нет здесь ничего, кроме войны и смерти... Солнце дома будет, если вернёшься.

— Дома меня девчонка ждёт, Алёнка зовут. Красивая... — Чиж вздохнул.

А я улыбнулся, наверное, впервые за этот бесконечный месяц.

* * *

На следующее утро мы вскочили на своих. Я долго уговаривал уставших, грязных солдат, и они, в конце концов, выделили нам место на броне в колонне, которая пыталась вырваться, вывезти своих «двухсотых» и «трёхсотых».

Места внутри не было, и мы уселись сверху. Колонна двинулась, сразу развивая приличную скорость, чтоб хоть у кого-то был шанс выскочить из этого проклятого города. Но не то это ме-

сто, где мечты сбываются. Под мостом подбили первый бэтэр, который, обильно зачадив, по инерции продолжал двигаться, даже когда сдетонировал боекомплект. Со стоящих рядом полуразвалившихся домов в нас, визжа, летел смертоносный свинцовый вал. Мир взорвался, завертелся и, кружа демонической каруселью, обжигая огнём всё живое, накрыл жаром, гарью и крошечным ужасом. И это всё за пару десятков минут до спасения, за несколько километров до относительного спокойствия. Нам не хватило чуть-чуть, совсем малого, но так дорого стоящего на войне.

Вскинув автомат, я выжал весь магазин в появившегося совсем рядом боевика с зелёной повязкой на чёрной вязаной шапке. Но и он успел нажать на спусковой крючок. Очереди разорвали рёв какой-то отдельной нотой, выделенной только для нас двоих.

* * *

Открыл глаза и оглох от тишины. Нет. Вначале ослеп от яркого солнца, которое било через окно и заполняло всю больничную палату. Тёплое, нежное, почти живое, я и забыл, как оно прекрасно. Забыл, как звучит тишина. Всё забыл. И вот сейчас всё забытое и почти утерянное вернулось и навалилось всей своей силой, любовью и красотой. И даже проваливаясь в забытё, впервые за последнее время ощутил счастье

— лёгкое, почти невесомое. Лишь какая-то смутная тревога царапнула душу, но сознание потухло, не успев облачить эту тревогу в какую-либо мысль, и я провалился в глубокий сон.

Только через неделю смог худо-бедно воссоздать ход событий. Мне повезло. Даже не так, — мне невероятно повезло, как может повезти разве только в художественном фильме про войну.

Тогда к месту засады подоспели морпехи. Завязался новый бой с боевиками, которые уже ходили между искорёженной горячей бронёй и добивали раненых. По рассказу лежащего в моей палате морячка, меня хотел добить молоденький чеченец, лет эдак четырнадцати, но у него произошла осечка, что и решило наши с ним судьбы. Пуля пробила ему голову в тот момент, когда он перезаряжал оружие. Упав рядом, он забрызгал мне лицо своей кровью.

Услышав это, я неосознанно отёрся рукой, стирая уже не существующие капли крови своего неудавшегося убийцы.

А тревога моя сформировалась. Что случилось с Чижом, стало для меня загадкой. Даже как искать его, я не знал, потому что не знал его фамилии. Да и где искать? Живые воевали дальше, раненых развезли по госпиталям, ну а мёртвые... Мёртвые лежали кто где. Стало обидно, что не узнал его фамилию, не расспросил, откуда родом. Вот ведь как: прожили бок о бок несколько длинных военных дней, убивать

его учил, а самое простое, житейское, не спросил.

* * *

Через два месяца меня выписали из волгоградского госпиталя. Выпал мне счастливый билет на войне, даже два: первый — я чудом остался жив, и второй — пули ковырнули тело, но не исковеркали мою жизнь — я не стал инвалидом.

Вернулся домой и, как когда-то мечтал, обнял жену. Жизнь потекла дальше, окуная в водоворот разных житейских радостей и забот. Через несколько месяцев вышел на службу. А ещё через пару месяцев мне предложили должность снайпера в отряде специального назначения. И я согласился, хоть жена и не разделяла моей радости.

Через месяц случился срочный вызов, какой-то парень захватил заложников и угрожает им расправой. Подъехали. Приехавшие раньше сотрудники милиции доложили, что в помещении кафе находится свихнувшийся вооружённый парень и удерживает несколько человек. Дверь он забаррикадировал и орёт, что всех убьёт. Группа должна быть готова на штурм. Но основной упор на снайпера. Я занял позицию. Рядом с кафе стоял майор и пытался вести переговоры, но у него плохо получалось. Он нёс какую-то чушь про долг и Родину, а парень отвечал, что чёрные везде, всё заполонили, всё захватили и над

всем надругались. Они враги, а врагов надо убивать. Майор в раздражении махнул рукой и отошёл.

Через какое-то время затрещала рация. Голос у командира был напряжённый и, в то же время, какой-то грустный.

— Гнездо. Внимание. Работай по готовности.

Я дослал патрон в патронник. Железо, откликаясь, гулко звякнуло. Вгляделся в темноту оконного проёма. Но дверь неожиданно распахнулась, на пороге возник парень, держа одной рукой за шею мужика кавказской национальности, вида рыночного торговца. Тот что-то тихо причитал. В другой руке парень сжимал гранату. И в эту долю секунды, когда они выходили, торговец начал оседать, и парень открылся. Палец потянул спусковой крючок, и в момент, когда ударник уже наколот капсюль, парень поднял лицо и посмотрел на меня.

Это был Чиж! В следующую секунду тело его было откинута назад, заложник упал в грязную лужу и закрыл голову руками, а по асфальту катилась зажигалка в виде гранаты.

Что было потом — всё в каком-то вязком тумане. Побежал к кафе. Там уже была группа захвата — кто-то поднимал полубоморочного торговца, кто-то проверял пульс у Чижа. Двое парней не очень успешно успокаивали заливающуюся слезами девчонку, которая выскочила из

кафе. Она всё пыталась объяснить, что Ванечка не виноват, что он недавно с войны, где был в плену и над ним сильно издевались, что чудом вернулся, изувеченный, контуженный, больной. Они пошли погулять и зашли в кафе, а там компания кавказцев гуляла — стали к ней приставать, чтобы она пошла с ними танцевать, а когда отказалась, начали гадости говорить. Ваня заступился, но они не отстали, смеясь, начали его между собой толкать, типа, иди отсюда, кавалер. Тогда он схватил стул и разбил его о голову одного из кавказцев и гранату достал, но граната не настоящая, это зажигалка, они её перед этим в парке купили.

Девчонка безутешно плакала, уткнувшись в плечо бойца. Торговцы затравленно озирались, сбившись в кучу. А Чиж лежал и смотрел в голубое небо, на котором светило яркое тёплое солнце, спокойным, взрослым взглядом, как будто именно там нашёл ответ на какой-то очень важный вопрос. И лицо его уже не казалось мне детским.

САНЬКА

Сегодня меня бросил парень. Правда, если быть точной, то бросил он меня уже двадцать третий раз. Какое-то упрямое злое постоянство в повторении этого события. Это не раздражает, не выламывает сердце и не пробивает на слезу. С тупым

математическим задором я делаю новую зарубку в голове, красиво выводя римское число «двадцать три». Получается два креста и частокोल. Символично. Интересно, до какого рисунка мы дойдём в этих странных отношениях? Наливаю кофе и разглядываю добрый солнечный день на улице. Там, за стеклом, всё иначе — легче, веселее, ярче. Хочется сбежать, сбросив в коридорную пыль всё, что сейчас на душе. Но не получится. Нельзя. «Работа не кошка, не выбросишь в окошко», всплывает дурацкая присказка руководства. Эти сутки я вынуждена провести здесь. И сразу мозг автоматически начинает наматывать новый клубок мыслей:

«Двадцать третий раз. Не хило. Неужели я заслуживаю? Нет, конечно же, нет. И не надо себя жалеть. Да я и не жалею».

За спиной послышались почти невесомые шаги, и ко мне подошла подруга Маринка.

— Ты чего хмурым взглядом окно протираешь?

— Переживаю очередную отставку.

— О как! Опять Саня чудит?

— Чудит.

— И что, на этот раз есть новая причина для расставания или всё по-старому?

— Как обычно: «Уходи, Ольга. Ты достойна лучшего. Встретишь ещё в своей жизни замечательного и надёжного. Мне лучше одному».

— Понятно. А ты что?

— А что я? Как всегда пытаюсь ему объяснить, что не надо за меня решать, что мне лучше. И прошу его дать возможность самой выбирать. В общем, всё как всегда.

Марина приобнимает меня за плечи — держись, подруга!

Но тут её окликают и она убеждает, шепнув на прощание:

— Ты же знаешь, завтра всё изменится!

Я улыбаюсь в ответ от того, что точно знаю, что действительно уже завтра утром всё вернётся на исходный рубеж. Правда, вопрос — на долго ли...

Саня встретит меня робкой, почти детской улыбкой, которая совсем не вяжется к его всегда серьёзным серым глазам и, взяв за руку, скажет:

— Привет, Ольга-Оленька, ты так мне нужна. Как воздух... Понимаешь... Я живу только потому, что в моей жизни есть ты.

И вот что на это скажешь? Какое женское сердце не замрёт на секунду от этих слов?

Да вот только услужливая память отсчитает новое число расставаний и примирений. Моя память. А Санькина... сотрёт и этот день, и завтрашний.

У него тяжёлая контузия и всё запуталось в голове в нерешаемую

задачу из сплошных неизвестных. Дни его исчисляются только сменой всплывающих картин: то ему кажется, что он опять в бою управляет бэтэром, наводя пулемёт и уничтожая противника, то осознает, что вокруг уже мирная госпитальная реальность, и он должен научиться жить по-новому, то опять выжимает гашетку до железки, мстя за своего лучшего друга, а потом устало откидывается на мокрую от пота подушку и просит сестричку принести воды. И во всём этом круговороте постоянно гонит меня в лучшую жизнь, а наутро уговаривает не оставлять его. И вот что это — искренняя любовь или крайняя степень эгоизма? Где пролегла грань между самыми сильными противоположными человеческими чувствами? Я не могу найти ответ и остаётся только надежда, что может в один из дней замечательному парню Сашке станет лучше, сознание перестанет играть с ним злые шутки, война отступит, и он наконец-то сможет разобраться, что действительно ему необходимо.

И если этот день наступит, я перестану быть для него воздухом и смыслом жизни, ведь я — всего лишь его лечащий врач. И я не знаю, кто такая Ольга.